

Евгений Лавренчук:
**«На наши спектакли приходит сумасшедший
зритель...»**

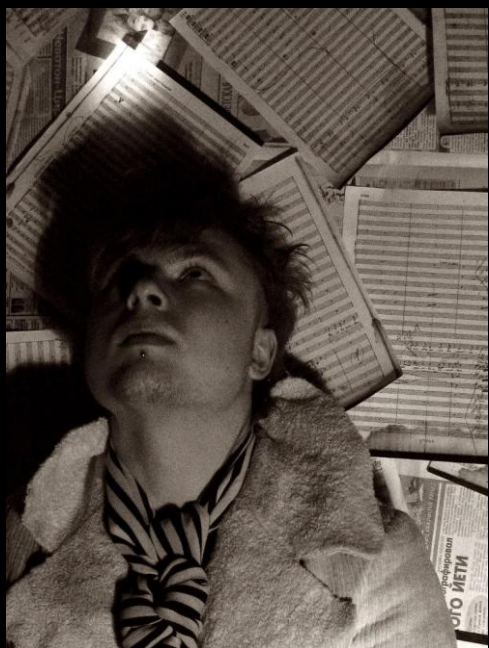

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию интервью с тем, чье имя еще не так известно московским театрам, как, скажем, имя его Учителя Романа Виктюка, но чьи постановки заставляют говорить о рождении нового режиссера того же уровня. Итак, мы берем интервью у художественного руководителя Польского Театра в Москве Евгения Лавренчука.

- Редко бывает такой период в истории театра, когда бы критики не имели никаких причин для недовольства. Обычно они всегда

находят какие-либо недостатки в новых спектаклях, сетуют на то, что не каждая постановка режиссера, которого они уже успели провозгласить «надеждой сцены», столь же гениальна, как и предыдущая, и убиваются, что денег не хватает, а публика предпочитает дешевые, пустые развлечения и в театр наведывается только случайно, равнодушно аплодируя как хорошему, так и дурному спектаклю - по привычке.

- Знаете, я, пожалуй, здесь с Вами соглашусь. Люди, действительно, скорее готовы доверять пошлым телешоу, чем на долю секунды встретиться с этим умоляющим взглядом, устремленным из вечных сумерек наших кошмаров, вождлений и снов. Именно поэтому мой принцип: театр - для избранных. Мой театр - для тех, кто не боится смотреть в глаза любви, что бы они ни выражали — томление плоти или страдания духа. Конечно, далеко не все сразу проникаются моей мыслью. Многие стесняются

перестал, другой, третий... Они поняли, что обманывали себя. Зрители чувствуют этот конфликт - вот что главное.

- То есть цель, насколько я понимаю, - разбудить зрительские эмоции?

- В наследство нам достался угрюмый, неэстетичный мир. Спасти его можно лишь красотой, и наша главная задача сделать это. В конфликт тут вступают любовь и секс, эрос и государственные режимы. Я уверяю вас, что даже в антидуховных душах натуралистический, физиологический, сексуальный театр способен возродить утраченный дух. Существует масса проблем социально-психологического плана: любовь, ревность, душевное смятение, любовная тоска, томление, ожидание, подозрение и т. д. И мне показалось, что об этих проблемах нужно

говорить тем современным театральным языком, который позволяет красиво обнажить не только душу, но и тело.

- У Германа Гессе в романе "Степной волк" есть формулировка, которая, как мне кажется, может быть помещена на вашей афише: "Не для всех."

Только для сумасшедших. Плата за вход - разум".

- Правильно. И неважно, что в реальном ходе вещей предусмотрен еще определенный денежный эквивалент каждому спектаклю, а формально прийти поприсутствовать к нам может всякий. Речь идет в данном случае о том, что степень магического воздействия не измеряется количеством просто побывавших в зале, но качеством событий, происшедших там с ними.

Сумасшедший, в хорошем смысле слова, зритель, о котором мы в первую очередь заботимся и на которого надеемся, - это человек подвижный, свободный, вольный распоряжаться своим внутренним миром, управляющий своими мыслями. Парадокс? Отнюдь нет. Состояние пустого сознания - это состояние ученика, отключившего ум и внимающего всему, что вокруг него творится, не анализируя по заданным шаблонам. Поэтому слово "сумасшедший" здесь вовсе не обидное. Сумасшедший - это тот, кто не придерживается казенной идеологии и не дорожит иллюзорными ценностями материальной части реальности. Именно тот, кто за своей мечтой способен последовать в создаваемый на сцене мир.

- Но кто-то все-таки приходит в театр с навязчивой мыслью о своём бизнесе...

- Это их проблемы. Но если в какую-то секунду у них хотя бы останавливается сознание или сердце - это уже много. И человек обнаруживает собственную пустоту. В отношении жизни, в отношении самого себя. Понимает, что он такой же, как те персонажи. Или наоборот. Это происходит, когда я, как зритель, убеждаюсь в том, что во мне есть та сердечная отзывчивость, которая и спасает мир сегодня, что я способен, и во мне есть эта потребность любить. Потому что с этой энергетикой люди уходят из зала. И они сходят с ума.

- Это и есть тот сумасшедший зритель?

- Да. Эмоциональное меньшинство.

- А что же делать, когда Вы понимаете, что социум заставляет играть по своим

правилам...

- Очень просто. В каждом из нас есть четыре как бы человека, четыре "Я". Первое - это "Я и общество", это то общество, которое определяет мораль, нравственность и все, как им кажется, идеи, по которым надо жить. У творца не может быть точек соприкосновения с той правящей структурой, с той победной армадой, которая шествует в этой жизни. Второе - это "Я и мои друзья". С ними тоже нельзя быть до конца понятым, потому что в них есть наслоения социума, и их переделывать безумно тяжело. Третье - "Я и Я - сам с собой". Это когда я могу даже бояться того, что я в себе ощущаю: все комплексы сюда входят, и при этом раздвоении я не нахожу точки опоры и боюсь гармонии, служу хаосу, служу деньгам и так далее. А может быть, все наоборот. И четвертое - самое главное - это есть тот творец, который сквозь тебя просматривает. Вот там спрятаться нельзя, вот тогда сцена - это то место, где каждый вечер ты просматриваемый и провеваемый, как на ветру, организм. И там, если ты не замутнен завистью, ненавистью, расчетом, деньгами, фантомом глупости, цивилизации, если ты чистый, ты не боишься.

- Это можно ощутить только на сцене или вообще в творчестве?

- Это дает творчество во всех его проявлениях. Но это, когда ты отмечен

печатью, потому что тогда тебя Бог отправил на Землю во спасение и дал тебе ту возможность через медитацию творчества, через молитву выговориться и все время вести диалог с Творцом. Тогда, даже если ты играешь отрицательные роли, ты себя очищаешь каждый вечер. И ты из себя изгоняешь всю ту отрицательную энергию, которая все равно - ты хочешь или не хочешь, - как к кораблю ракушки, к тебе пристаёт.

– Интерес к подобным темам наверняка подпитывается чем-то своим? Насколько препарированные вами явления задевают вас лично?

– Не задевает ни одно. Искусство и жизнь – совершенно разные реальности. Творец слышит, понимает, ощущает то, что в данную минуту необходимо для того, чтобы подойти к человеку как к тайне, а человек – это тайна неразгаданная. Это единственный организм, который не поддается науке совершенно. Чем глубже тайна уводит творца, тем он выше взлетает. Поэтому искусство выше жизни. Чем дальше от жизни творец, тем он дальше и свободнее в полете воображения.

С.Лавский

«Мой андеграунд» (2 июня 2003 г.)